

ГНОСТИЧЕСКИЕ ТОПОСЫ В ФИЛОСОФИИ Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Е. К. Сельченко

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций, ул. Курчатова, 5,
220108, Минск, Республика Беларусь
e-mail: *elena.selchenok@gmail.com*

В статье в контексте репрезентации гностических топосов рассматривается философия Г. В. Ф. Гегеля, в которой фактически воспроизводится гностическая история отпадения, разрушения плеромы и восстановления. Автор усматривает особые связи между топосами гностицизма и немецкой классической философией. Гностический элемент в философии Г. В. Ф. Гегеля обнаруживается в его преобразовании и «псевдоморфозе» христианского учения о грехопадении, которое трансформируется в учение об отпадении Абсолюта от самого себя в природу, и учении о необходимости человеческого грехопадения для обретения сознания человеческим родом.

Ключевые слова: топос; гностицизм; гностический топос; немецкая классическая философия; диалектика; Г. В. Ф. Гегель философская эпопея.

GNOSTIC TOPOSES IN THE PHILOSOPHY OF G.W.F.HEGEL

E. K. Selchenok

Belarusian State University, Faculty of Social and Cultural
Communications,
Kurchatov st. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: *elena.selchenok@gmail.com*

In the article, in the context of the representation of Gnostic toposes, the philosophy of G. V. F. Hegel is considered, in which the gnostic history of the fall, destruction of the pleroma and restoration is actually reproduced. The author sees special connections between the topos of Gnosticism and German classical philosophy. The gnostic element in

G. V. F. Hegel's philosophy is found in his transformation and "pseudomorphosis" of the Christian doctrine of the fall, which is transformed into the doctrine of the fall of the Absolute from itself into nature, and the doctrine of the necessity of the human fall for the acquisition of consciousness by the human race.

Keywords: topos; gnosticism; gnostic topos; German classical philosophy; dialectics; G. W. F. Hegel; philosophical epic.

Гностический топос – это культурная константа, оформившаяся на основе мировоззрения исторического гностицизма, которая несет в себе культурно-генетический код и способна вырабатывать новые значения в ходе усвоения творческим сознанием в рамках мировоззренческой концепции конкретной культурной эпохи. Можно выделить следующие гностические топосы: поиск и обретение тайного знания о Боге и мире (гнозиса) через возвращение ему утраченной полноты (TI); многомирие как иерархическое развертывание сложной системы отдельных эонов (духовных сущностей, жизненных сфер, циклов творения и т.д.) (TII); неразрешимый, извечный конфликт как результат напряженной, дуалистически заостренной нетождественности верхних и нижних ступеней иерархии многомирия (TIII); драматически переживаемый разрыв с Единым и последующая попытка восстановления связи с Ним через одухотворение материального (софийный миф) (TIV); стратификация человечества сообразно причастности к духу (TV); социальная организация как последовательное проецирование на общину избранных структуры эона, в рамках которого возглавляющий их мироправитель, архонт стремится к синтезу духовной и светской власти (TVI); эсхатологическая мотивация индивидуальной активности (TVII) (подробнее о топосах см. [1])

Особенные связи усматриваются между гностическим топосами и немецкой классической философией. Специфическое гностическое мировоззрение отразилось в идеалистической философии Фихте. В учении Фихте мир не-Я и связанная с ним природа оказываются лишь преградой, которая должна быть преодолена творческим Я. П. Козловски обоснованно доказы-

вает, что гностические элементы присутствуют в философии истории Гегеля и в философии откровения позднего немецкого романтизма [2, с. 49]. По мнению П. Козловски, гностицизм занимает промежуточное положение между метафизической диалектикой Г. В. Ф. Гегеля и формами персоналистской философии (платонизм, патристическая и возрожденческая теософия, философская теология) [2, с. 49].

Гегель действительно очень близок мистике и теософии, несмотря на известную традицию его характеристики как «рационального диалектика». Фундаментальное противоречие гегелевской системы заключается в том, что «абсолютный дух как высшая форма абсолюта есть метафизически первая реальность и вместе с тем результат определенных усилий конечного духа». А. В. Кричевский понимает это противоречие не как ошибку, а как «парадокс, указывающий на некоторую более высокую точку зрения, которая... вписывается в идущую от Экхарта традицию немецкой мистики» [3, с. 5–6].

Согласно учению Гегеля, логическая идея – это в-себе-сущий абсолютный дух, а природа – это стихия инобытия логической идеи и вне-себя-сущий абсолютный дух (ТII). Это инобытие изживается в процессе интеллектуального и духовного развития человечества, в котором «выкристаллизовываются адекватные формы самосознания логической идеи, которая тем самым возвращается к себе и становится поистине абсолютной» [3, с. 8] (TI–TVII). Результат этого процесса – «для-себя-сущий абсолютный дух, или абсолютный дух в собственном смысле, который есть самосознание абсолютной идеи, реализующееся – в наиболее адекватной форме – в *просветленном спекулятивным мышлением человеческом сознании, через человеческое сознание*, а точнее – через снятие конечности человеческого духа» [3, с. 8] (TI). Абсолютный дух, согласно Гегелю, должен быть постигнут как сила, господствующая над миром природы и миром конечного духа, которая «творит их из себя и себя из них» [4, с. 255].

Бог, «овнешняясь» в объект, возвращается из него к себе [2, с. 42]. Это самосознание и возвращение к себе абсолютной

идеи непосредственно ставится в зависимость с человеческим сознанием – точнее, с его просветлением. Абсолютный дух существует только в человеческом духе и через него. В этих рамках индивидуальный человеческий дух не конечный, но становится моментом жизни бесконечного [5, с. 263]. Другими совами, открывающееся в человеческом мышлении знание в откровение способствует самопознанию мирового духа и возвращению его к себе же. «Вечное в себе и для себя бытие есть открывание себя, определение, полагание себя от себя отличным, но различие это также вечно снимается, в себе и для себя сущее вечно возвращается в нем в себя, и лишь постольку оно есть дух», – писал Гегель [4, с. 248]. Философия абсолютного духа состоит из философии искусства (постижение образно, эстетически – поэзия, музыка), философии религии (постижение абсолютного духа – образное и символическое мышление на языке религии) и философии (понятийно). В философии абсолютного духа соединяются три формы интерпретации гносиса: религиозный, философский и поэтический.

Бытие мира, т. е. бытие сущего, Гегелем трактуется как ложное, как «забвение, отрицание истинного бытия» (TIV), а истинное бытие – это бытие Бога (абсолюта) [3, с. 16] (TIII). Абсолютное «в-себе-и-для-себя-бытие» понимается как подлинное первоначало. По мнению А. В. Кричевского, «в гегелевской философии можно найти как обожествление разума, так и мистификацию и даже иррационализацию» [3, с. 16].

Weilgeist достигает осознания себя свободным только в человеческом уме и через него. Согласно Гегелю, единицей конкретного развития мирового духа является национальный или народный дух (*der Volkgeist*) [5, с. 256]. Под ним Гегель отчасти подразумевает культуру народа в ее проявлении в морали, искусстве, политике, религии, философии. Отдельный человек является носителем этого Мирового духа постольку, поскольку он участвует в этом целом, *der Volkgeist*, который сам является моментом жизни мирового духа.

В любую данную эпоху развитие мирового духа своим специфическим способом представляет какая-то одна нация, при этом одна нация не может занимать главенствующего места больше одного раза. Гегель считает, что осознанного понимания того, что человек как таковой свободен, впервые достигли «Германские» народы под влиянием христианства: «Внутреннее сознание свободы духа должно было отчетливо объективировать себя, и здесь Гегель приписывает ведущую роль так называемым Германским народам» [5, с. 257–258]. В гегелевской философии истории нельзя не увидеть отголоска гностической иерархии эонов, каждый из которых является эманацией Единого (TII), но при этом может занимать разное положение в иерархии, отпадать от Творца, возвращаться к нему (TIV) и т. п.

Романтизм предложил проект эмансипации личности и эмансипации группы личностей – нации, класса и пр. Романтический идеал избранного поэта, просветленного в философии Гегеля превратился в нацию как носителя мирового духа. Так, на первый план выходит не просветленная личность, не сверхчеловек, а сообщество, единое по духу (рождению), родственное в духе от рождения – народ, нация ((подробнее см. [6])).

Гегелевская триада «тезис-антитезис-синтез» созвучна гностической монистической космологии и антропологии: Единое – отпадение/ разделение/ противопоставление – возвращение отпавшего к Единому, воссоединение. Эту триаду Гегель применяет в рассмотрении стадий религиозного сознания. На первой стадии Бог представляется как всеобщее, единственная подлинная реальность, на второй – различие личности как конечного, отделенного от полноты, третья – возвращение особенного к всеобщему, конечного к бесконечному. Таким образом, фактически воспроизводится гностическая история отпадения, разрушения плеромы и восстановления.

Гегель считал необходимым формирование новой религии, «восстанавливающей подлинный смысл жизни и истории и возвращающей дух к его истинному истоку». Как отмечает Ф. Колпстон, «абсолютный идеализм представляется эзотерическим христианством, а христианство – экзотерическим гегельян-

ством...» [5, с. 278]. А эзотерическое христианство, если вспомнить период раннего христианства, и соответствует гностицизму.

Среди гегельянцев единственным, кто открыто признал единодушие между Гегелем и гностиками был Иоганн Эдуард Эрлман [2, с. 49]. П. Козловски уверенно и аргументировано констатирует наличие элемента гнозиса в философии Гегеля. По убеждению П. Козловски, Гегель – это «гностик природного Сверхприродного, имманентизированного Абсолюта, оконченного Бесконечного», «Энциклопедия философских наук» Гегеля – это «монистический гнозис тотальности бесконечного и конечного» [2, с. 44]. При этом для гностического характера философской системы не является решающим дуализм сверхприродного и природного миров. Решающей является «идея монистической системы деволюции» – повествование о самоконституции Абсолюта в Плероме, отпадении от Самого Себя, страдании и возвращении к Самому Себе же [2, с. 52].

Гностический элемент у Гегеля присутствует и в его преобразовании и «псевдоморфозе» христианского учения о грехопадении, которое трансформируется в учение об отпадении Абсолюта от самого себя в природу и учении о необходимости человеческого грехопадения для обретения сознания человеческим родом. «За гегелевской мыслью об отчуждении идеи от самой себя просматривается гностическая идея падения Софии из Плеромы. Так, валентинианская София отпадает из-за дерзости, гордыни, жажды свободы. В результате отпадения она, как и абсолютный дух у Гегеля, «овнешняется», что приводит к появлению «овнешненной субстанции мира, экстромы материального мира» [2, с. 49]. Так и у Гегеля идея овнешняет себя и тем самым создает бытие сущего.

Также Козловски указывает на сходство христологии гегелевской философии религии и христологии гностицизма. И та и другая является докетической, но по-разному: «В то время как гностицизм отрицает человечество Христа, Его телесность, Гегель отрицает Его божественность, Его отличие от всякого другого человека, в котором Абсолют проходит к самому себе» [2,

с. 53]. Акцентируя родство, подчеркнем и существенное отличие философии Гегеля от гностической картины мира: несмотря на насыщенность драматическими сюжетами, гностицизм довольно статичен, в то время как динамизм гегелевской философии придает диалектика.

Таким образом, романтический идеал избранного поэта, просветленного, соединившись с идеей эмансипации личности, в философии Гегеля превратился в «избранную» нацию как носителя мирового духа, который достигает осознания себя свободным только в человеческом уме и через него. За гегелевской мыслью об отчуждении идеи от самой себя просматривается гностическая идея падения Софии из Плеромы. Гностический элемент у Гегеля явлен в его преобразовании и «псевдоморфозе» христианского учения о грехопадении, которое трансформируется в учение об отпадении Абсолюта от самого себя в природу, и учении о необходимости человеческого грехопадения для обретения сознания человеческим родом.

Литература

1. Сельченко, Е. К. Трансформация идей гностицизма в европейской культуре / Е. К. Сельченко // Актуальные проблемы современного образования : сб. науч. ст. по материалам V Международной научно-практической конференции (Минск, БГУ, 18–19 октября 2018 г.). – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – С. 474–484.
2. Козловски, П. Философские эпопеи. Об универсальных синтезах метафизики, поэзии и мифологии в гегельянстве, гностицизме и романтизме / П. Козловски // Вопросы философии. – 2000. – №4. – С. 37–52.
3. Кричевский, А. В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга / А. Кричевский; Российская академия наук, Институт философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 198 с.
4. Гегель, Г. В. Ф. Философия религии: В 2 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1975–1977. – Т.2. – 573 с.
5. Коплстон, Ф. От Фихте до Ницше / Ф. Коплстон; пер. с англ., вступ. ст. и примеч. В. В. Васильева. – М.: Республика, 2004. – 541 с.
6. Сельченко, Е. К. Гностические топосы в литературе немецкого романтизма / Е. К. Сельченко // Вестник академии русского балета им. А. Я. Вагановой. – 2019. – № 2(61). – С. 165–179.